

История СССР за рубежом

В ОСВОБОЖДЕННОМ БЕРЛИНЕ

(Первые месяцы немецко-советского сотрудничества
в антифашистско-демократических преобразованиях)

Х С Р С Т Ш К Т Ц Л Е Р

Двадцатилетие окончания второй мировой войны и освобождения Германии от фашизма является для граждан Германской Демократической Республики, а так же всех здравомыслящих немцев ФРГ поводом для глубоких раздумий, оценки пройденного пути, поводом к воспоминаниям о многих дружественных актах Советского Союза и одновременно днем отчета перед всем человечеством о том, как усвоены уроки этих всемирно-исторических событий.

В битвах второй мировой войны германский фашизм был повержен в прах. 8 мая 1945 г. в Берлине, в районе Карлсхорст, уполномоченные Верховного командования германского вермахта подписали акт о безоговорочной капитуляции. Путь для нового, демократического развития Германии был открыт.

Во время Великой Отечественной войны Советский Союз, сознавая обязанность содействовать обеспечению прочного послевоенного мира, выработал последовательную программу будущих демократических преобразований Германии. Он поддержал стремление немецких патриотов, сплотившихся вокруг Коммунистической партии Германии, освободить родину от господства фашизма и установить в ней демократические порядки. Эта поддержка особенно ярко проявилась в помощи Национальному комитету «Свободная Германия», который был основан немецкими коммунистами и военнопленными в июле 1943 г. в Красногорске под Москвой. Комитет руководил боевыми силами всех патристически настроенных немцев.

Фашизм следовало с корнем вырвать из жизни немецкого народа. Рабочему классу Германии предоставлялась возможность возглавить борьбу нации за единое государство на путях демократического обновления и социального прогресса. Правом и обязанностью оккупационных властей было всемерное содействие развитию Германии по антифашистско-демократическому пути.

Свои взгляды на необходимость создания в Германии условий для обеспечения мира Советское правительство стремилось зафиксировать в международных соглашениях, принятых главами антигитлеровской коалиции в Ялте (февраль 1945 г.) и в Потсдаме (2 августа 1945 г.).

В Берлине, как в фокусе, отразилось столкновение сил, борющихся на международной арене в послевоенный период, выявилась последовательность борьбы Советского Союза за демократическое развитие Германии. Советская Армия освободила население Берлина от гитлеровской тирании, помогла немецким антифашистам наладить жизнь

в городе, заложить фундамент нового общественного строя. Во главе антифашистских сил встала КПГ, объединившая усилия всех берлинцев, готовых к созидательной работе.

Переход к новому встретил много трудностей. Советский Союз четыре года вел против фашистской Германии войну не на жизнь, а на смерть. Эта война не могла не отразиться на поведении и психологии людей. Нужно было, чтобы в сознании каждого солдата Советской Армии укрепилось искреннее желание помочь немецкому народу выбраться из национальной катастрофы, оказать содействие всем прогрессивным силам. В то же время преобладающему большинству германского населения требовалось известное время для переосмысления прошлого и осознания происходящего, чтобы изменить отношение к солдатам Советской Армии и по-товарищески сотрудничать с ними.

1. ПОДГОТОВКА К ОСВОБОДИТЕЛЬНОЙ МИССИИ

Советская Армия приступила к решению своих оккупационных задач в Германии и Берлине, исходя из ясной политико-идеологической и организационной программы. Ее важнейшей чертой было проведение четкого различия между немецким народом и господствовавшей фашистской верхушкой.

Уже через несколько дней после нападения гитлеровской Германии на СССР Советское правительство ясно и недвусмысленно заявило: «Эта война навязана нам не германским народом, не германскими рабочими, крестьянами и интеллигенцией, страдания которых мы хорошо понимаем, а кликой кровожадных фашистских правителей Германии»¹.

Советский Союз был и оставался на той позиции по отношению к немецкому народу, которую Ленин отстаивал и проводил в аналогичной тяжелой ситуации. После заключения Брестского мира Ленин писал: «Ненависть к немцу, бей немца» — таков был и остался лозунг обычного, т. е. буржуазного, патриотизма. А мы скажем: «Ненависть к империалистическим хищникам, ненависть к капитализму, смерть капитализму» и вместе с тем: «Учись у немца! Оставайся верен братскому союзу с немецкими рабочими...»².

Эта позиция в соответствии с конкретной ситуацией была впоследствии углублена анализом классового характера фашизма как «открытой террористической диктатуры наиболее реакционных, наиболее шовинистических, наиболее империалистических элементов финансового капитала»³, — по определению VII Конгресса Коммунистического Интернационала летом 1935 г.

Необходимость проводить различие между Германией фашистов и военных преступников и Германией угнетенных фашизмом трудящихся, лучшие и наиболее сознательные представители которых оказывали ему сопротивление, являлась важнейшим принципом воспитательной работы политических органов и партийных организаций Советской Армии.

Еще во время движения к немецким границам Советское правительство и штаб Верховного командования четко и ясно определили линию поведения советских войск по отношению к немецкому населению. Директивы предписывали солдатам и офицерам проводить различие между немецким народом и гитлеровской кликой, помогать немецкому народу разобраться в его ошибках и заблуждениях, сле-

¹ «Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны», т. I, М., 1946, стр. 128.

² В. И. Ленин. ПСС., т. 36, стр. 82.

³ Г. Димитров. Избр. соч., т. I, М., 1957, стр. 376.

лавших его невольным участником жестокостей, совершаемых фашистами на оккупированной территории. Директивы были направлены против отдельных фактов грубого отношения к германскому мирному населению и немецким военнопленным⁴. Были исправлены некоторые ошибочные взгляды и воззрения⁵.

Бесспорно, что не всегда легко было реализовать эти директивы, когда солдаты и офицеры Советской Армии вступили на территорию Германии. Марш по тысячам километров родной земли, через разрушенные деревни и города, мимо виселиц и массовых братских могил убитых советских граждан, вызывал чувство огромной ненависти к агрессорам. Об обстановке в эти дни издававшаяся советскими оккупационными властями газета «Tägliche Rundschau» писала: «Если вообще существует чувство возмездия, так оно могло и должно было возникнуть у этих людей, когда они вступили в Германию, и в действительности они не были свободны от него. Но природа подобных чувств, возникающих в состоянии аффекта, такова, что они не характерны ни для отдельных лиц, ни для всей армии. Решающими для оценки как отдельного человека, так и армии, являются постоянные отношения, постоянные черты характера, выступающие сразу же после преодоления первых и внезапных приливов чувства»⁶.

Партийные организации и политические органы Советской Армии помогали бойцам занять правильную позицию. На собраниях и учениях, на отдыхе и во время коротких промежутков между боями обсуждались следующие темы: отношение Советского Союза к Германии и к немецкому народу; наша месть врагу; моральный облик бойца Советской Армии, решения Крымской конференции⁷. Главное Политическое Управление Советской Армии указало на то, что правительство не может предоставлять каждому бойцу и командиру право мести за преступления врага⁸. Военный совет 1-го Белорусского фронта издал специальное разъяснение, в котором подчеркивал: «Наш закон таков — воин Красной Армии никогда не уподобится фашистским людоедам, никогда не уронит достоинство советского гражданина»⁹.

Эти директивы, приказы и разъяснения командования Советской Армии оказали большое воздействие. Они совпадали с основным направлением интернационалистического и гуманистического воспитания советских людей, глубина и прочность которого в конечном счете сыграли главную роль в том, что советские солдаты и офицеры заняли правильную позицию по отношению к Германии, к немецкому народу.

II. КОНЕЦ БЕРЛИНА ИЛИ НАЧАЛО НОВОГО ЭТАПА ЕГО ЖИЗНИ?

16 апреля 1945 г. началась битва за Берлин, которая по своим масштабам, по скоплению сил и средств и по ожесточенности борьбы стала одной из крупнейших битв мировой войны.

Взятие Берлина советскими войсками имело не только решающее военное, но и большое политическое значение. Фашистское командование перевело многие части своих армий с Западного фронта на Восточный для его усиления, и в апреле 1945 г. война в Германии для англо-американских войск превратилась «большей частью в прогул-

⁴ Ср. «Помощь Советского правительства и командования советских войск населению Берлина в 1945 году» (публикация документов). «Военно-исторический журнал», 1959, № 8, стр. 76; «Идеологическая работа КПСС на фронте (1941—1945 гг.)», М., 1960, стр. 280.

⁵ См. «Красная Звезда» 11.4.1945 г., «Правда», 14.4.1945 г. «Tägliche Rundschau», 16.5.1945 г.

⁶ «Tägliche Rundschau», 23.2.1946.

⁷ Ср. «Идеологическая работа...», стр. 281.

⁸ Там же, стр. 280.

⁹ П. И. Едемский. На решающем направлении, М., 1961, стр. 35.

ку»¹⁰. Клику Гитлера, очевидно рассчитывала на столкновение между союзниками. Кроме того, влиятельные империалистические круги Великобритании и США, нашедшие рупор в лице Черчилля, мечтали превратить Берлин в опорный пункт «политики силы» против Советского Союза¹¹. Берлин занимал значительное место в их антисоветских планах уже по той причине, что в качестве столицы Германии он был резиденцией правительства и центральных властей, здесь находились управления крупнейших банков и концернов, сюда стягивались нити всей политико-экономической системы германского империализма. Для первых шагов антифашистского демократического развития Германии также было очень важно, в чьи руки попадет германская столица, — в руки советского командования, стремившегося к полному искоренению фашизма, или таких людей, как, например, британский маршал Монтгомери или американский генерал Паттон. Монтгомери считал «приближающихся русских» более опасными, чем «разбитые немцы», и стремился в срочном порядке «создать фронт на востоке»¹², а Паттон был прежде всего заинтересован в том, чтобы «воспрепятствовать отдаче страны в руки большевизма»¹³.

Чтобы нанести фашистскому режиму в Германии последнее решающее поражение и доказать тщетность подобных политических спекуляций, Советская Армия приступила к окончательной подготовке Берлинской операции. Перед началом операции Военный совет 1-го Белорусского фронта обратился с призывом к солдатам и офицерам: «Боевые товарищи! Наступило время нанести врагу смертельный удар и победоносно окончить войну»¹⁴.

После ошеломляющей артподготовки, в которой приняло участие свыше 40 000 орудий, армии 1-го Белорусского и 1-го Украинского фронтов на Одере и Нейссе перешли в наступление. 20 апреля к ним присоединились армии 2-го Белорусского фронта. После ожесточенных боев поле битвы переместилось в город, в котором еще проживали свыше 2 млн. женщин, детей, стариков и больных.

21 апреля отряды Советской Армии вошли в предместья Берлина, отвоёвывая улицу за улицей, освобождая квартал за кварталом. По решению Военного совета 3-ей Ударной армии 27 апреля девяти соединениям этой армии было передано Красное знамя, чтобы водрузить над рейхстагом как Знамя Победы¹⁵. 25 апреля кольцо вокруг Берлина замкнулось: под Кетцином соединились войсковые части 1-го Белорусского и 1-го Украинского фронтов, лишив берлинский гарнизон всяких надежд на прорыв или преодоление блокады¹⁶.

Уже 23 апреля Военный совет 1-го Белорусского фронта, чтобы уменьшить жертвы и страдания немецкого населения, обратился к фашистскому командованию Берлина с предложением прекратить бессмысленное сопротивление¹⁷. Гитлер и его сообщники остались глухи к этому предложению. Безучастные к страданиям берлинцев, они прятались в бетонном подземелье под имперской канцелярией, устраивая оргии, праздновали таинственное бракосочетание «фюрера» и гнали тысячи немецких солдат, подростков и стариков в мундирах фолькс-

¹⁰ General Patton. Krieg, wie ich ihn erlebte, Bern (1950), S. 195.

¹¹ См. W. S. Churchill. Der zweite Weltkrieg, Bd. VI, Buch 2, Stuttgart, 1954, S. 135.

¹² Marschall Montgomery. Memoiren, München (1959), S. 375.

¹³ General Patton, Op. cit., p. 279.

¹⁴ См. «КПСС — вдохновитель и организатор побед советского народа в Великой Отечественной войне», М., 1959, стр. 325.

¹⁵ См. З. А. Неустроев. Путь к рейхстагу, М., 1961, стр. 47.

¹⁶ См. «История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941—1945», т. 5, М., 1963, стр. 263 и далее.

¹⁷ См. «Военно-исторический журнал», 1959, № 8, стр. 78.

штурмовцев на смерть, чтобы хоть на несколько дней оттянуть неминуемую расплату за свои преступления.

Нужно представить себе положение населения в городе, ставшем ареной упорных боев, чтобы по достоинству оценить последующее развитие и значение работы немецких антифашистов и советских оккупационных органов. Еще до капитуляции Берлина ожесточенные англо-американские бомбардировки достигли апогея. 3 февраля 1945 г. в предобеденное время при ясном небе 1500 тяжелых бомбардировщиков сбросили смертоносный груз на центральную часть города, превратив его в море огня, в котором погибли тысячи людей; выжившие под этим градом бомб стали апатичными и безвольными. Бившееся в предсмертной агонии фашистское зверье нагнетало страхи и ужасы. 13 февраля 1945 г. в городе были учреждены военно-полевые суды, каравшие за «нанесение вреда немецкой безопасности или боевой сплоченности». 23 апреля 1945 г. боевой листок немецких войск Большого Берлина «Der Panzerbärg» выступил с призывом к убийствам: «Серьезное предостережение фюрера: Примите во внимание! Всякий, кто пропагандирует или только одобряет мероприятия, ослабляющие силу нашего сопротивления, — изменник! Его следует сразу же расстрелять или повесить!»¹⁸. И это исполнялось озверевшими эсесовцами и другими фанатичными фашистами¹⁹. Среди берлинского населения в те дни ходила поговорка: «Лучше я буду верить в победу, чем бегать без головы на плечах». Обнаруживались настроения и другого порядка. Когда генерал Кребс 16 апреля ехал со своим адъютантом через Темпельгоф, группа людей закричала на них: «Кровопийцы вы, кровопийцы!»²⁰. Американский публицист Мусманно, описывающий Берлин в эти дни, свидетельствует, что «берлинское население, попавшись в его руки Гитлер, отделало бы его кулаками и ногтями»²¹.

Зарождающаяся среди широких слоев берлинского населения ненависть к представителям фашистской системы не превратилась все же в крупные, действенные выступления против фашистского режима, хотя берлинские антифашисты и Советская Армия указывали путь к этому. Так, прокламации и листовки берлинских групп сопротивления, сплотившихся вокруг КППГ, призывали создавать домовые, уличные и фабричные комитеты, протестовать против голода, бросать оружие. В этих призывах снова и снова подчеркивалось, что Советская Армия приходит как освободительница²².

Советская Армия также стремилась в своей политической работе рассеять у населения страх, вызванный нацистской пропагандой, и побудить его к оказанию помощи для скорейшего окончания войны. Во время боев в Берлине было проведено 458 радиопередач, в которых представители политотделов армии, а также сознательные немцы-мужчины и женщины обращались к солдатам и гражданскому населению Берлина²³. Неоднократно распространялись листовки, призывавшие жителей города выступать против бессмысленного продолжения войны.

Только небольшая часть берлинского населения — коммунисты, классово сознательные социал-демократы, антифашистская интеллигенция и другие прогрессивные элементы тогда осознали освободитель-

¹⁸ «Dokumentation der Zeit», Hf. 212/1960, S. 37.

¹⁹ Ср. «Deutsche Volkszeitung», 3.7.1945; «Berliner Zeitung», 24.7.1945.

²⁰ G. Boldt. Die letzten Tage der Reichskanzlei, Hamburg/Stuttgart (1947), S. 48.

²¹ M. A. Musmanno. In zehn Tagen kommt der Tod. Augenzeugen berichten über das Ende Hitlers, München (1950), S. 384.

²² G. Nitsche. Die Saefkow — Jacob — Bästlein — Gruppe. Dokumente und Materialien des illegalen antifaschistischen Kampfs (1942—1945), Berlin, 1957, S. 135; f; Fr. Köhler. Die Befreiung Deutschlands vom faschistischen Joch, Berlin, 1955, S. 56.

²³ П. И. Едемский. Указ. соч., стр. 135 и сл.

ную миссию Советской Армии и поддерживали ее мужественными действиями. В нескольких районах города они указывали путь Советской Армии; объединившись в группы сопротивления, разоружали фашистов и не давали им уничтожать мосты, здания, электростанции и другие объекты²⁴. Но сознание массы населения было слишком сильно затемнено фашистской пропагандой, внушавшей ему страх перед Советской Армией, а главное, страхом перед гитлеровскими палачами. Берлинцы, пережившие многие месяцы англо-американских бомбардировок и многодневные затяжные бои на улицах города, устало ожидали худшего, и только немногие представляли, что произойдет в дальнейшем.

Советский солдат — солдат первой в мире социалистической страны — принес конец старому и начало новому. Утром 1 мая 1945 г. над рейхстагом развевалось красное Знамя Победы. 2 мая остатки разбитого гарнизона прекратили бессмысленное сопротивление. Наступил конец фашистского господства над германской столицей.

Это был ужасный конец. Улицы, ставшие непроходимыми, разрушенные мосты, затопленные фашистами тоннели метро, разлагающиеся трупы животных и людей, дымящиеся развалины, развороченные танки, ищущие пищи или крова женщины, дети и старики — вот как выглядел Берлин после окончания боевых действий.

Советская Армия не могла остаться безучастной наблюдательницей страданий берлинского населения. Она пришла на помощь берлинцам, ибо разгром фашистских сил был не только крупным военным успехом, но и «победой более высокого общественного строя над глубочайшим варварством», как отмечал Вильгельм Пик 4 мая 1945 г. в речи по московскому радио. Это была «победа человеческого прогресса и солидарности свободных и свободолюбивых народов над силами мрака, над расистским ослеплением и истреблением народа, которые воплощал в себе гитлеризм»²⁵.

III. РЕШАЮЩИЕ ФАКТОРЫ ПОВОРОТА К НОВОМУ

После того как огненный вал войны прокатился по городским кварталам, возник тревожный вопрос: что будет дальше?

Фашистское государство было сломлено. Не существовало ни военного и полицейского аппарата, ни органов управления, большая часть лиц, руководивших ими при нацизме, сбежала. Командование 1-го Белорусского фронта в листовках к населению Берлина подчеркнуло: «От вас самих зависит скорейшее восстановление нормальной жизни»²⁶. Но кто должен был взять на себя руководство? В отдельных частях города образовались антифашистские органы, инициативные группы помощи (Selbsthilfe) в виде народных комиссий, народных комитетов, антифашистских комиссий и комитетов движения «Свободная Германия». Они пытались производить расчистку улиц, оказывать помощь Советской Армии, арестовывали фашистов, словом, вносили порядок в хаос. Однако их деятельность не выходила за пределы отдельных улиц.

После безоговорочной капитуляции фашистского командования высшую правительственную власть в Германии брали на себя представители Верховного командования оккупирующих держав²⁷. Они должны были привлечь к сотрудничеству немцев, тем самым подготовив немец-

²⁴ Cp. S. Thomas. Entscheidung in Berlin. Zur Entstehungsgeschichte der SED in der deutschen Hauptstadt 1945/46, Berlin, 1964, s. 20 f; G. Nitsche. Op. cit., S. 135.

²⁵ W. Pieck. Reden und Aufsätze, Bd. I. Berlin, 1952, S. 432.

²⁶ J. G. Leithäuser. Journalisten zwischen zwei Welten. Die Nachkriegsjahre der Berliner Presse, Berlin — Dahlem (1960), S. 9.

²⁷ «Das Potsdamer Abkommen und andere Dokumente, Kleine Dokumentensammlung», hrsg. von Prof. Dr. Karl Bittel, Berlin, 1957, S. 56.

кий народ к самоуправлению. В соответствии с этим и действовало советское Верховное командование. Уже во время подготовки Берлинской операции штаб 1-го Белорусского фронта познакомился с материалами о положении в Берлине и занялся вопросами учреждения советской комендатуры, немецкого гражданского управления и продовольственного снабжения²⁸.

23 апреля Военный совет 1-го Белорусского фронта издал приказ № 5, предписывавший многочисленные мероприятия по нормализации жизни в областях, освобожденных фронтовыми соединениями. В этом приказе, между прочим, указывалось: «2. Все руководство управлением в областях, занятых Красной Армией, осуществляется военным командованием через военных комендантов городов и районов. 3. Военными комендантами в каждом городе и в каждой деревне из местных жителей назначается исполнительная власть — бургомистр в небольших городах и деревенские местные старосты, лично ответственные за точное выполнение населением приказов и распоряжений военного командования»²⁹.

Подразделения Советской Армии действовали согласно этому приказу. В ходе военных операций в занимаемых населенных пунктах и районах учреждались окружные, участковые и районные комендатуры. К районным комендатурам были прикомандированы офицеры, занимавшиеся хозяйственными делами, продовольственным снабжением, культурой, юстицией и другими вопросами.

Комендатуры в первые же недели стали центрами нормализации жизни населения. Они действовали в крайне трудных условиях. В соответствии с решениями Крымской конференции глав правительств Советского Союза, США и Великобритании, перед ними была поставлена задача искоренить фашизм и помочь местному населению выбраться из хаоса, построить свою жизнь на новой, демократической основе. Только опираясь на немецкое население, сотрудничая с ним, комендатуры могли выполнить эту задачу.

Прежде всего в населенных пунктах и районах назначались бургомистры, которым поручалось организовать антифашистское немецкое управление. Как проходило его формирование, видно из годового отчета местного управления Фронау: «Фронау был взят Красной Армией в ночь с 21 на 22 апреля 1945 г. первым из населенных пунктов района Рейникендорф... Небольшая группа антифашистов Фронау тотчас же установила... связь... с Красной Армией. Уже 24 апреля нижеуказанный бургомистр вел переговоры с офицерами Красной Армии, во время которых обсуждалось образование местного управления Фронау. 24 апреля появился русский капитан Козерог и принял комендатуру. Была созвана антифашистская группа, которая не позднее 7 часов вечера должна была предложить кандидатуру бургомистра. На заседании антифашистской группы, в которой участвовало около 20 человек, я был единодушно избран бургомистром и утвержден после беседы с комендантом Козерогом.

Бургомистру было поручено подобрать заместителя и секретаря и создать местное управление, состоящее из отделов безопасности, хозяйства и продовольствия, труда, школ, транспорта, жилищного и социального отделов.

Сформированное таким образом местное управление было утверждено комендантом и снабжено соответствующими документами»³⁰.

Назначение немецких антифашистских местных и районных управлений началось 24 апреля и закончилось 9 мая.

²⁸ П. Трояновский. Последние дни Берлина. М., 1945, стр. 56 и далее.

²⁹ Stadtarchiv, Berlin, Rep. 102, Nr. 30.

³⁰ Там же. Rep. 101, Nr. 204.

28 апреля 1945 г., когда в центре города еще шли тяжелые бои, генерал-полковник Н. Э. Берзарин, командующий 5-й армией, был назначен советским Верховным командованием начальником гарнизона и комендантом города Берлина³¹. Вся административная и политическая власть в Берлине была передана в его руки — руки человека, прошедшего путь от ученика переплетчика на полиграфической фабрике, а затем простого красноармейца, до командующего армией. Этот убежденный коммунист со всей энергией и предусмотрительностью взялся за спасение жизни берлинцев³². В приказе № 1 от 28 апреля он назначил районных комендантов в каждом районе города в соответствии с ранее существовавшим административным делением на 20 районов. Приказ содержал инструкции для населения Берлина и основные предписания по нормализации городской жизни.

С целью скорейшего налаживания управления в комендатуре были вызваны «чиновники и служащие районных служб для доклада о положении на своих участках и получения дальнейших указаний»³³. 10 мая в центральной комендатуре были созданы все районные бургомистры. В своем обращении к ним генерал-полковник Берзарин обязал их правильно выполнять свои обязанности³⁴.

Назначение местных и районных бургомистров было для Советской Армии не простым делом. Специальные уполномоченные армий и фронтов должны были заниматься проблемами немецкого гражданского населения³⁵. Военные коменданты и офицеры комендатуры немедленно вошли в контакт с населением Берлина и в первую очередь с теми его представителями, которые искренне стремились к антифашистским и демократическим преобразованиям, обладали авторитетом среди широких кругов населения и специальными знаниями. При этом соблюдалось твердое правило: если кто-либо был испытанным антифашистом, то на первых порах этого было достаточно, чтобы доверить ему задачи управления. «Если нам встречался человек, боровшийся с фашизмом уже в Испании, томившийся из-за своей непримиримости к национал-социализму годами в заключении, тогда мы видели в нем того, кто мог бы помочь нам искоренить остатки нацистского господства»³⁶, — так разъяснял один из ответственных советских офицеров.

Советские офицеры видели в таких людях товарищей, с которыми они были связаны одной общей великой идеей, которым могли доверять. Они знали, что германский рабочий класс, руководимый марксистской партией, представлял в Германии главную силу, способную вывести немецкий народ из хаоса, в который его столкнула фашистская клика. Опираясь на коммунистов, советские комендатуры стали привлекать к сотрудничеству всех решительных антифашистов. В возникших немецких органах управления примерно треть руководящих сотрудников были коммунистами³⁷. В тесном сотрудничестве с социал-демократами и специалистами из различных слоев населения они образовали антифашистско-демократическую коалицию. Разбитая крупная буржуазия, была

³¹ «Die Berliner Konferenz der drei Mächte (Der Alliierte Kontrollrat für Deutschland). Die Alliierte Kommandantur der Stadt Berlin», Sammelheft I, 1945, Berlin, 1946, S. 83.

³² Берзарин погиб от несчастного случая 16 июня 1945 г. Его преемником стал генерал-полковник Горбатов («Tägliche Rundschau», 19.6.1945).

³³ «Die Berliner Konferenz der drei Mächte...», стр. 83 и далее.

³⁴ Stadtarchiv Berlin, Rep. 101, Nr. 219.

³⁵ М. И. Семиряга. Вторая мировая война и пролетарский интернационализм. М., 1962, стр. 196.

³⁶ Cp. G. Schaffner. Ein Engländer bereist die russische Zone (Berlin) (1948). S. 21.

³⁷ S. Thomas. Op. cit., S. 33, etc.

не в состоянии оказать существенное влияние на создание этих органов, о чем до сих пор скорбят реакционные историки³⁸.

В районах, где выступали антифашистские группы сопротивления или другие антифашистские организации, как, например, народные комитеты, комендатуры стремились опираться на них. В тех населенных пунктах и районах, где еще не развернулась деятельность таких групп, комендатуры должны были опираться прежде всего на тех, кто заявлял, что он антифашист, коммунист или бывший заключенный концентрационных лагерей, и предлагал свое сотрудничество. Катастрофическое положение не позволяло откладывать осуществление первых мероприятий ни на час, поэтому часто даже не оставалось времени на проверку прошлого этих людей. Бывали случаи, когда наряду со многими действительными антифашистами, стремившимися всей душой к новому, в органы управления проникали и недобросовестные элементы³⁹. Но едва это обнаруживалось, такие люди немедленно освобождались от своих функций.

1 мая Инициативная группа ЦК КПГ под руководством Вальтера Ульбрихта, бывшего ранее несколько лет секретарем берлинской партийной организации, приступила к работе в Берлине. Тем самым с немецкой стороны началась сознательная и централизованная работа по спасению Берлина от разрушения, по руководству развитием города. При поддержке советских оккупационных властей стала претворяться в жизнь программа КПГ по созданию антифашистско-демократического строя, разработанная под руководством Вильгельма Пика. В ее основу лег опыт международного рабочего движения и опыт борьбы немецкого рабочего класса в условиях Веймарской республики и фашизма, решения, принятые на конференциях в Брюсселе (1935 г.) и Берне (1939 г.), а также в годы работы Национального комитета «Свободная Германия». Эта программа соответствовала объективным потребностям и жизненным интересам немецкой нации, а также целям народов всей антигитлеровской коалиции и решениям по германскому вопросу, сформулированным в Ялте и позднее в Потсдаме.

Инициативная группа без промедления принялась за работу. Она собрала коммунистов в Берлине и подробно познакомила их с неотложными задачами. Началась подготовка к созданию свободных профсоюзов. В сотрудничестве с советскими офицерами городской комендатуры был создан первый послевоенный берлинский магистрат. Прежде всего было необходимо обеспечить работоспособность антифашистских районных управлений. Вальтер Ульбрихт предложил схему построения районного управления⁴⁰, обеспечивавшую единообразие структуры новых районных управлений. В соответствии с программой КПГ антифашистско-демократический строй создавался на базе единого фронта всех созидательных сил коммунистов, социал-демократов, прогрессивной интеллигенции, с учетом общественной структуры отдельных районов. Задача состояла в том, чтобы сформировать эти «районные управления антифашистско-демократической коалиции под руководством рабочего класса»⁴¹.

Получив эту директиву, члены группы направились в районы города, они привлекали антифашистов к сотрудничеству в управлениях и рекомендовали их советским комендатурам. Советские военные коменданты утверждали их предложения.

³⁸ P. W. Davidson. Die Blockade von Berlin. Modellfall des Kalten Krieges (Frankfurt a/M), 1959, S. 46.

³⁹ R. Dörrier. Pankow. Kleine Chronik eines Berliner Bezirks, Berlin (1949), S. 54; Stadtarchiv Berlin, Rep. 101, Nr. 203.

⁴⁰ «Wir sind die Kraft», Berlin, 1959, S. 83.

⁴¹ W. Ulbricht. Die Befreiung Deutschlands vom Hitlerfaschismus — der Beginn einer neuen Periode im Leben unseres Volkes. «Einheit», Hft. 5. 1960, S. 684.

В начале мая отдельные части Берлина существовали изолированно друг от друга. Но Берлин все же был единым организмом, и для нормализации всей городской жизни требовалось создание центрального городского управления. Поэтому после назначения районных управлений работа офицеров комендатуры и Инициативной группы сконцентрировалась на создании работоспособного городского управления Большого Берлина. Генерал-полковник Берзарин со своими сотрудниками и Инициативная группа стремились привлечь для работы в магистрате представителей всех разрешенных законом политических направлений и прежде всего демократических деятелей и выдающихся специалистов. Так, Вальтер Ульбрихт склонил к сотрудничеству известного социал-демократа Йозефа Орлоппа и Андрея Гермеса, бывшего государственного министра продовольствия и сельского хозяйства Веймарской республики⁴². 68-летний Артур Вернер, владелец частного инженерного и архитектурного училища, бывшего на плохом счету у нацистов, также заявил о готовности сотрудничать в магистрате. Генерал-полковник Берзарин назначил его обер-бургомистром⁴³. Доктора Вернера, как он сам рассказывал автору статьи, побудило вступить в магистрат лишь чувство долга перед своим народом, ибо он никогда не чувствовал себя политиком по призванию⁴⁴. Был привлечен к сотрудничеству в антифашистском городском управлении и всемирно известный хирург, профессор Зауэрбрух⁴⁵.

Известные коммунисты Оттомар Гешке и Ганс Эндрецкий тотчас же после возвращения из концентрационного лагеря включились в дело восстановления Берлина. Они заявили, что, несмотря на плохое состояние здоровья, готовы к работе в магистрате. От Инициативной группы Центрального Комитета КПГ в магистрат вошли Карл Марон и Отто Винцер.

В середине мая члены магистрата были утверждены советским командованием⁴⁶. Наказ, который получили члены первого антифашистско-демократического магистрата от советских оккупационных властей, звучал кратко и веско: «Привести в кратчайший срок в порядок Берлин, нормализовать его жизнь, пробудить его хозяйство; мы вам поможем всеми средствами». Карл Марон, первый заместитель обер-бургомистра, передававший эти слова, добавлял: «Последние слова были решающими»⁴⁷.

По своему политическому составу магистрат был блоком коммунистов, социал-демократов, деятелей профсоюзов и буржуазных специалистов⁴⁸. Общая тенденция буржуазной историографии и публицистики состоит в том, чтобы изображать этот первый послевоенный магистрат как советский или коммунистический аппарат, в котором представители других партий не имели никакого влияния. Это совершенно не соответствует действительности, что ясно видно хотя бы из состава магистрата (после основания антифашистских партий 6 членов магистрата принадлежали к КПГ; 5 — к Социал-демократической партии Германии; 2 — к Христианско-демократическому союзу, а 5 членов не принадлежали ни к каким партиям).

П. Мендельсон, содействовавший в 1945 г. в качестве американского офицера прессы оживлению антикоммунистической печати Берлина, был вынужден констатировать, что генерал-полковник Берзарин учре-

⁴² «Wir sind die Kraft», S. 134; F. Reichardt. Andreas Hermes, Neuwied am Rhein (1953), S. 203.

⁴³ «Neues Deutschland», 15.4.1962.

⁴⁴ Беседа состоялась 6.9.1962 г.

⁴⁵ I. R. Becher. Walter Ulbricht. Ein deutscher Arbeitersohn. Berlin, 1962, S. 188.

⁴⁶ «Tägliche Rundschau», 17 und 18.5.1945.

⁴⁷ Там же. 20.11.1945.

⁴⁸ W. Ulbricht. Die Befreiung Deutschlands..., S. 684.

дил магистрат, «в котором собрались более или менее опытные специалисты по управлению, люди различной политической принадлежности и взглядов, и в котором отнюдь не все ключевые позиции были заняты коммунистами»⁴⁹. Ренегат Леонгард также не мог опровергнуть бесспорные факты и писал: «Магистрат не только выглядел демократическим, но он был таковым фактически, «буржуа» и социал-демократы были... большей частью лицами с выдающимися специальными знаниями, которые действовали самостоятельно и весьма независимо»⁵⁰. Даже Фердинанд Фриденсбург, активно способствовавший позднее в качестве бургомистра Берлина расколу города, должен был отметить, что магистрат, «благодаря содействию известных и энергичных специалистов», приобрел значение, «которое нельзя не признать»⁵¹.

Под руководством магистрата и при энергичной поддержке городской комендатуры быстро разворачивалась восстановительная работа, организованная по единому плану. Советские оккупационные власти сразу же взяли курс на укрепление немецких органов самоуправления, ставя целью последовательное развитие демократических отношений. Приказом от 25 мая комендант города разрешил «организовать самоуправление города Берлина..., городскую полицию, суд и прокуратуру»⁵². Офицеры юстиции с помощью группы Ульбрихта и немецких органов самоуправления разыскивали надежных антифашистов, поручали им создание новых органов правосудия и полиции. Судьями могли быть юристы, которые никогда не состояли в национал-социалистической партии⁵³. 16 мая, спустя всего 14 дней после окончания военных действий, советская городская комендатура вызвала всех назначенных к тому времени судей и прокуроров в районный суд в Лихтенберге и учредила берлинские судебные органы⁵⁴.

Эти вновь созданные органы были просты и общедоступны. В каждом районе города образовывались местный суд и прокуратура. Апелляционной инстанцией был городской суд, первым президентом которого городская комендатура назначила 20 мая криминалиста профессора д-ра Кангера⁵⁵. Право на независимость судей было оговорено в соответствии с основными правовыми нормами, действовавшими до 30 января 1933 г.⁵⁶ С созданием новых органов правосудия антифашистско-демократические силы получили инструмент, в первые же месяцы сослуживший им добрую службу в обеспечении права и порядка. Затем дело заметно застопорилось в связи с противодействием западных держав, войска которых в начале июля 1945 г. вошли в западную часть города. Правда, бывших членов нацистской партии в судах не было. Но и антифашистов было немного, преобладание получили консервативные силы, которым не нравилось энергичное руководство рабочего класса и магистрата делами города. В комиссии по пересмотру законодательства при магистрате группа юристов оспорила распорядительные права магистрата, переданные ему Советской Армией, чтобы противодействовать антифашистско-демократическим мероприятиям.

Скапливались приговоры, противоречащие «правовым чувствам на-

⁴⁹ P. de Mendelssohn. Zeitungsstadt Berlin — Menschen und Mächte in der Geschichte der deutschen Presse, Berlin (West), (1959), S. 347.

⁵⁰ W. Leonhard. Die Revolution entlässt ihre Kinder, Frankfurt a. M. (1959), S. 380.

⁵¹ F. Friedensburg. Berlin — Schicksal und Aufgabe, Berlin, 1953, S. 21.

⁵² «Die Berliner Konferenz», S. 87.

⁵³ «Wir sind die Kraft», S. 103.

⁵⁴ K. Grünberg. Episoden, Erlebnisreportagen aus sechs-jahrzehnten Kampf um den Sozialismus, Berlin, 1960, S. 339; «Wir sind die Kraft», S. 105.

⁵⁵ Stadtarchiv Berlin, Rep. 101, N 197.

⁵⁶ «Tägliche Rundschau», 2.6.1945.

рода» и приводившие к «недовольству судом среди населения»⁵⁷. Оказалось, что непринадлежность к нацистской партии стала на определенной ступени демократического развития уже недостаточной, чтобы осуществлять право в духе и в интересах народа. Необходимо было заменить консервативных юристов демократическими силами из народа, которым в короткий срок надо было дать юридическое образование. Но в Берлине этому противились представители западных держав. В должностях восстанавливались старые, формально благонадежные юристы, в системе судопроизводства усиливались реставрационные черты, и берлинская юстиция становилась все более и более тормозящим элементом. Это положение коренным образом изменилось лишь в восточной части города после создания нового, демократического магистрата в ноябре 1948 г.

Формирование новой полиции в Берлине возглавил Пауль Маркграф — бывший немецкий военнопленный в Советском Союзе, активный участник движения «Свободная Германия». Прежде всего были учреждены полицейские участки, полицейская инспекция в каждом районе и главное полицейское управление⁵⁸. В полицию вступали испытанные антифашисты, коммунисты, социал-демократы и честные беспартийные рабочие, образовавшие ядро новой полиции и следившие за проведением антифашистского курса. Ни один из фашистских полицейских чиновников не был принят, зачислялись лишь лица, служившие в полиции до 1933 г.⁵⁹ Однако крайняя нужда в спешном формировании полиции вела к тому, что в ее аппарат часто попадали люди случайные, не вполне отвечающие необходимым требованиям, была очень сильна текучесть. Уже в июле 1945 г. началась чистка, производившаяся и в дальнейшем⁶⁰. Это, естественно, затруднило работу полиции, но одновременно дало возможность сформировать твердое ядро профессиональных полицейских служащих, ставших надежной опорой немецких органов самоуправления.

Если в суды и полицию бывшие члены нацистской партии не допускались, то в органы самоуправления и коммунальные учреждения среди многих служащих старых органов управления, без которых антифашистские руководящие силы не могли обойтись, проникло значительное количество нацистов. Естественно, их пришлось увольнять. Таким образом, процесс укрепления нового немецкого управления стал процессом его очистки от бывших членов НСДАП, процессом притока новых сил, который в отдельных районах протекал по-разному, в зависимости от активности антифашистских сил и по мере осуществления первоочередных жизненно важных мероприятий.

30 июня главнокомандующий Советской военной администрацией в Германии маршал Жуков предложил обер-бургомистру в течение трех дней уволить всех бывших членов НСДАП из городского управления. Процесс чистки значительно ускорился. До 9 июля в общей сложности было освобождено от работы 15 795 бывших членов НСДАП. Общая цифра уволенных достигла позднее 25 740, из них 19 574 пришлось на главное управление и городские предприятия и 6151 — на районные управления⁶¹. Чистка была столь основательной, что после опублико-

⁵⁷ Stadtarchiv Berlin, Rep. 108, N 21.

⁵⁸ Там же, Rep. 101, N 294, Bl. 61.

⁵⁹ «Tägliche Rundschau», 12.10.1945. Допускалось лишь одно исключение — каждый участок мог иметь одного специалиста, служившего при нацистах, который сам предложил свои организационно-технические услуги (Ср. Stadtarchiv Berlin, Nr. 294, S. 99).

⁶⁰ Там же, Bl. 82.

⁶¹ Там же, Rep. 101, Nr. 467, S. 52 и далее, и Nr. 300, S. 12. Так как в результате в ряде органов чистки возникали пробелы (например, в здравоохранении, финансах, строительстве), советские оккупационные власти разрешили использовать и дальше некоторых бывших членов НСДАП, как исполнителей (исключая органы образования), пока не находилась подходящая замена. Там же, Rep. 101, Nr. 467, S. 64.

вания постановления межсоюзнической комендатуры в феврале 1946 г. об исключении нацистов из общественной службы в главном управлении магистрата пришлось уволить только 22 человека. При удалении всех бывших членов НСДАП из органов самоуправления речь шла не о наказании соответствующих лиц, но о политических мерах революционного характера: искоренялись остатки влияния фашизма в этих органах, демократические силы крепко брали в свои руки городское самоуправление.

Основная линия советских оккупационных властей состояла в том, чтобы по мере укрепления немецких органов самоуправления предоставлять им все большие полномочия и самостоятельность. Для советской городской комендатуры отпала необходимость издавать приказы и распоряжения, касающиеся частных практических вопросов городской жизни. И, напротив, все увеличивалось число постановлений, распоряжений и указаний магистрата.

В результате усилилось сотрудничество с советскими властями, укрепилась их вера в силу немецких органов. Если заместитель обер-бургомистра Карл Марон 27 июня и говорил о «частично еще существующем параллелизме и несогласованности в работе коменданта и районного управления» и о «решающем» слове военного командования, то вместе с тем он отмечал «отрадные признаки» того, что «гражданская власть все больше и больше переходит в руки магистрата»⁶².

Быстрое становление в мае 1945 г. немецкого самоуправления позволило выйти из катастрофического положения. Но создание этих органов было лишь первым шагом на пути демократических преобразований. Чтобы как можно скорее вовлечь самые широкие круги немецкого населения к сотрудничеству в осуществлении этих преобразований, надо было разрешить создание партий и профсоюзов, представляющих интересы широких кругов населения. Таковы были задачи, стоявшие перед образованной 9 июня Советской военной администрацией в Германии. Приказом от 10 июня 1945 г. за № 2 она разрешила образование демократических партий и профсоюзов⁶³.

Тем самым советские оккупационные власти сделали далеко идущий шаг, явившийся выражением их веры в демократические антифашистские силы немецкого народа, шаг, которого, надо прямо сказать, не ожидало большинство населения, еще не освободившееся от влияния нацистской пропаганды. И значение этого шага сознательно извращается империалистической историографией. Она изображает его «искусным маневром», «демократическим фасадом» для маскировки готовящейся «советизации» Германии⁶⁴, хотя очевидно, что в число мер по демократизации Германии входило и разрешение демократических партий.

Западногерманский историк Дунке в связи с приказом № 2 говорит, что западные державы были поставлены перед «fait accompli»⁶⁵. Это понятие в данном случае совершенно неприменимо. В то время как принципиальная линия советской оккупационной политики состояла в том, чтобы дать возможность быстро развернуться антифашистско-демократическим силам, западные державы вели противоположную политику. Лишь в сентябре и октябре месяцах они разрешили в своих

⁶² Там же, Rep. 101, Nr. 197.

⁶³ «Befehle des Obersten Chefs der Sowjetischen Militärverwaltung in Deutschland. Aus dem Stab der Sowjetischen Militärverwaltung in Deutschland», Sammelheft I, 1945, Berlin, 1946, S. 9.

⁶⁴ «Die Sowjetisierung Ost-Mitteleuropas». Bd. I, Frankfurt a. M., Berlin, 1959; K. Thälheim. Untersuchungen zu ihrem Ablauf in den einzelnen Ländern, S. 338 ff.; M. und E. E. Müller. «...stürmt die Festung Wissenschaft!». Die Sowjetisierung der mitteldeutschen Universitäten seit 1945, Berlin — Dahlem (1953), S. 12.

⁶⁵ H. Duhne. Stalinismus in Deutschland. Die Geschichte der Sowjetischen Besatzungszone (Köln), (1955), S. 42.

оккупационных зонах демократические партии, и то с ограниченной сферой деятельности. Однако приказ СВАГ для своей зоны не мог не повлиять и на западные державы. Позднее, как известно, в Потсдамское соглашение был внесен пункт, обязывавший оккупационные власти «разрешать и поощрять все демократические политические партии»⁶⁶.

11 июня, день спустя после опубликования приказа № 2, ЦК КПГ выступил с программным обращением к немецкому народу, призвав общественность построить антифашистско-демократическую Германию. Этот призыв обозначил поворот к бурному развитию демократической жизни, которому СВАГ открывала зеленую улицу.

Призыв от 11 июня — один из значительнейших документов новейшей германской истории. В нем нашли отражение глубокая научность политики КПГ, все богатство опыта ее борьбы, ее конструктивных идей. Последовательно продолжая политику, проводимую КПГ после VII конгресса Коммунистического Интернационала, на конференциях в Брюсселе и Берне и в национальном комитете «Свободная Германия», ЦК КПГ создавал своей программой основу для единства действий рабочего класса и тесного сотрудничества всех демократических партий.

Приказ № 2 Главнокомандующего СВАГ и призыв ЦК КПГ от 11 июня встретили широкий и глубокий отклик. 12 июня в здании магистрата собрались около 200 партийных работников КПГ, СДПГ, существовавшей ранее Партии Центра, бывшей Демократической Государственной партии и прежних профсоюзов. На этом собрании Вальтер Ульбрихт предложил «повсюду провести совместное обсуждение единой программы действий и создать в городе, в районных управлениях, на местах общие комитеты из представителей антифашистских партий»⁶⁷. Это было сделано.

15 июня на арену общественной деятельности выступила Социал-демократическая партия Германии, 26 июня — Христианско-демократический союз и 5 июля — Либерально-демократическая партия Германии. Как убедительно показал Книппендорф, образование обеих буржуазных партий в Берлине происходило «совершенно самостоятельно и без вмешательства со стороны оккупационных властей... Было ясно..., что советские представления о немецкой партийной системе и стремления, возникшие на почве немецких условий, полностью совпали и дополнили друг друга»⁶⁸.

14 июня конституировался расширенный профсоюзный комитет Большого Берлина как временное руководство берлинского профсоюзного движения.

Четыре партии — КПГ, СДПГ, ХДС и ЛДПГ — выражали все важнейшие демократические течения первого послевоенного периода в Берлине. Вместе с тем магистрат отклонил притязания нескольких сомнительных групп, не обладавших ни четкой демократической платформой, ни поддержкой населения⁶⁹.

Следуя призыву КПГ от 11 июня, четыре партии объединились 14 июля в блок и договорились о главных задачах антифашистско-демократических преобразований⁷⁰. Тем самым на основе единства действий рабочего класса, осуществленного КПГ и СДПГ, была найдена необходимая форма тесного сотрудничества всех антифашистско-демократических сил, ключ к решению всех сложных задач демократического строительства.

⁶⁶ «Das Potsdamer Abkommen...», a. a. O., S. 74.

⁶⁷ «Dokumente und Materialien zur Geschichte der deutschen Arbeiterbewegung», Reihe III, Bd. 1., Berlin, 1959, S. 24.

⁶⁸ E. Knippendorff. Die Gründung der Liberal-Demokratischen Partei in der sowjetischen Besatzungszone 1945. In: «Vierteljahresshefte für Zeitgeschichte», München, 8, Jg. 1960. H. 3, S. 294, 299.

⁶⁹ Stadtarchiv Berlin, Rep. 101, Nr. 467, S. 19; F. 159, Rep. 130, Nr. 4.

⁷⁰ «Dokumente und Materialien...», S. 60 f.

Осуществление единства действий рабочего класса и блока четырех партий в Берлине породило новый действенный политический фактор — подлинно национальные представители стали проводить отвечающую интересам немецкого народа политику. Этот факт никак не хочет признать западногерманская реакционная историография, утверждающая, что «Германия стала объектом политики мировых держав»⁷¹, что «с 1945 по 1949 гг. не было немецкой политики, была только политика по отношению к Германии»⁷². При помощи подобных заявлений замалчивается национальная борьба немецкого рабочего класса под руководством его марксистской партии, а также других демократических сил, снимается ответственность за национальную измену с тех, кто содействовал расколу Германии в эти годы.

СДПГ, ХДС и ЛДПГ следовали предложению КППГ по собственному усмотрению. «Мы вступили на путь сотрудничества с коммунистами по доброй воле и исходя из собственных интересов»⁷³, — четко и ясно заявили четыре представителя Центральной комиссии СДПГ. Американский историк Дэвидсон и западноберлинский историк Герцфельд должны были признать: «Такой подход к делу (политика единого блока КППГ. — Х. Ш.) импонировал и многим некоммунистическим партийным вождям»⁷⁴: «еще при нацизме возникла определенная общность взглядов, которая была господствующим настроением в момент катастрофы»⁷⁵.

Блок антифашистско-демократических партий «воплотил идею народного фронта»⁷⁶. Как подчеркнул несколько месяцев спустя Отто Гротеволь, приказом № 2 СВАГ дала сильный импульс «политической жизни в Советской оккупационной зоне. Разве была в истории такая оккупационная армия, которая через пять недель после окончания войны предоставила бы населению право образования партий, издания газет, собраний и свободу слова?»⁷⁷. Приказ своевременно предоставлял немецкому народу возможность тотчас же приступить к строительству своей жизни на прочной демократической основе.

IV. В БОРЬБЕ С ГОЛОДОМ И ЭПИДЕМИЯМИ

Грозной опасностью для населения Берлина в первые послевоенные недели и месяцы стали голод и эпидемии.

Развал третьего рейха, англо-американские бомбардировки, а затем продолжавшаяся 16 дней битва за Берлин, вызванная бессмысленным сопротивлением фашистов, парализовали всякое регулярное продовольственное снабжение и медицинское обслуживание населения. Запасы города были исчерпаны и уничтожены, а частью разграблены голодающим населением.

Формировавшиеся органы немецкого управления оказались лицом к лицу с этими неразрешимыми для них одних проблемами. Несколько дней бездеятельности было бы достаточно для того, чтобы население стало гибнуть от голода и эпидемий.

⁷¹ W. Cornides. Die Weltmächte und Deutschland. Geschichte der jüngsten Vergangenheit, Tübingen-Stuttgart, 1957, S. 14.

⁷² E. Deuerlein. Die Einheit Deutschlands. Ihre Erörterung und Behandlung auf den Kriegs und Nachkriegskonferenzen 1941—1949, Frankfurt a. M., Berlin, 1957, S. 196.

⁷³ «Das Volk», 13. 7. 1945.

⁷⁴ P. W. Davidson. Op. cit., S. 59.

⁷⁵ «Berlin. Kampf um Freiheit und Selbstverwaltung 1945—1946», hrsg. im Auftrage des Senats von Berlin, 2. erg. und erw. Auflage, Berlin, 1961, S. 32.

⁷⁶ W. Ulbricht. Zur Geschichte des neuesten Zeit., Bd. I, Halbband, 1, Berlin, 1955, S. 124.

⁷⁷ O. Grotewohl. Im Kampf um unsere Zukunft. «Einheit», I. Jg. 1946, Hft 3, S. 131.

Уже приказ № 5 от 23 апреля Военного совета 1-го Белорусского фронта предписывал возобновить работу всем коммунальным предприятиям, продовольственным магазинам и пекарням, сберегать имеющееся продовольствие и выдавать его в соответствии с ранее существовавшими нормами сроком на 5—7 дней. Эти предписания были включены в приказ № 1 коменданта города.

23 апреля Военный совет 1-го Белорусского фронта дал военным советам и командующим армиями специальную директиву произвести учет населения, продовольственных резервов и принять меры по организации продовольственного снабжения берлинского населения⁷⁸. Директива предписывала точный учет и сохранение продовольственных резервов на территории, занимаемой частями 1-го Белорусского фронта. Население Берлина должно было снабжаться по нормам, действовавшим в последнее время. Для обеспечения этих норм продовольствием из советских военных резервов немедленно выделялось 6 000 т муки, 1250 т мяса, 75 т свиного сала, 12 000 т картофеля, 550 т маргарина, 500 т сахара и 65 т кофе. В течение нескольких дней эти продовольственные резервы были доставлены в Берлин советскими транспортными средствами и розданы немецкому населению. «Прошло всего несколько часов с начала оккупации района, как появились офицеры Красной Армии и сообщили, что Красная Армия доставила району продовольствие...», — говорится в докладе отдела снабжения городского района Пренцлауэр Берг. «Первое совещание с районными комендантами 3 мая 1945 г. выяснило положение со снабжением и заложило основы восстановительных работ... Ввоз самого продовольствия начался 4 мая 1945 г. с транспортировки картофеля, мяса и муки, проводимой Красной Армией. Районная комендатура Пренцлауэр Берг сумела выдать продовольственные карточки со сроком действия с 7 мая 1945 г. до 14 мая... Из 203 767 жителей района продовольственные карточки получили 166 216...»⁷⁹. Новое местное управление в Фронау начало работу по продовольственному снабжению. При поддержке местной комендатуры были приняты энергичные меры против грабежей и спекуляции и обеспечена часть необходимых для питания продуктов. Советская Армия предоставила в распоряжение местных властей «прежде всего раненый убойный скот, большей частью лошадей». В то время как восточная часть района Рейникендорф еще находилась под обстрелом, в других уже распределялось продовольствие⁸⁰. В Панкове в последние дни апреля население жило за счет того, что получало от Советской Армии, и остатков собственных запасов⁸¹.

В последние дни апреля и первые дни мая повседневной картиной на улицах Берлина стала раздача советскими полевыми кухнями горячей пищи голодающим берлинцам. Этого ожидали очень немногие. Много лет лживые домыслы фашистов о Советском Союзе рисовали совершенно другие картины. Теперь берлинцы стали освобождаться от предрассудков, у них зарождалось новое отношение к Советскому Союзу.

8 и 11 мая Государственный Комитет Обороны СССР и Военный совет 1-го Белорусского фронта приняли решительные меры по обеспечению жизни города. ГКО направил своего члена, заместителя председателя Совета Народных Комиссаров А. Микояна для оперативного руководства в Берлин. ГКО рассмотрел на своем заседании соображения и предложения Военного совета 1-го Белорусского фронта по снабжению Берлина продовольствием, предписал, дифференцировав нормы

⁷⁸ «Военно-исторический журнал», 1959, № 8, стр. 78.

⁷⁹ Stadtarchiv Berlin, Rep. 133, N 9, 10—11, 1182.

⁸⁰ Там же, Rep. 101, N 204.

⁸¹ R. Dörrier. Op. cit., S. 51.

снабжения по определенным трудовым категориям, ввести их в кратчайший срок. Так как ресурсы одного фронта были недостаточны, чтобы полностью удовлетворить потребности города до нового урожая, Военным советам 2-го Белорусского и 1-го Украинского фронтов было дано указание выделить часть своих запасов для населения Берлина. Приказ № 063 Военного совета 1-го Белорусского фронта от 11 мая о продовольственном снабжении населения Берлина⁸² устанавливал нормы для отдельных категорий потребителей, предписывал выдачу 2 млн продовольственных карточек с 15 мая. Он определял количество продовольствия, которое нужно было заготовить на период от 15 мая до 15 июня, предписывал его транспортировку в Берлин двумя автополками в количестве 2 тыс. автомашин и поручал 235 офицерам Советской Армии организовать продовольственное снабжение берлинцев. Этот приказ был претворен в жизнь в тесном сотрудничестве с только что возникшими и крепнущими немецкими органами самоуправления. «Только благодаря активному участию руководящих работников продовольственного ведомства, неустанной работе торговых работников, добровольным помощникам, а также различным торговцам удалось справиться с этим делом. Очень большую помощь оказали русские офицеры-хозяйственники... и прибывавшие днем и ночью русские колонны»⁸³, — заявлял районный бургомистр Нейкельна Мартин Ом в первом публичном отчетном докладе своего управления 28 июля 1945 г.

К 15 мая благодаря напряженной работе был сделан первый шаг в упорядочении продовольственного снабжения Берлина. Достигнутые результаты породили у многих берлинцев обоснованные надежды, что Советский Союз поможет немецкому народу встать на новый путь развития.

В течение первых шести недель после освобождения налаживалось снабжение города молоком. После соответствующих приказов от 31 мая и 19 июня⁸⁴ магистрату были переданы 5744 коровы; из близлежащих местностей советские автоцистерны ежедневно доставляли 100 тыс. л молока⁸⁵.

Снабжение Берлина продовольствием и после 25 мая оставалось одной из сложных задач советских оккупационных властей и немецких органов управления. В течение двух месяцев удалось обеспечивать требовавшееся Берлину до нового урожая количество продовольствия, используя продовольственные фонды, имевшиеся в распоряжении 1-го и 2-го Белорусского и 1-го Украинского фронтов. Всего советские оккупационные власти до конца июля 1945 г. предоставили в кредит следующее количество припасов для снабжения Берлина: 58771,2 т муки, 11015,9 т крупы, 8199,6 т мяса, 352,7 т сливочного масла, 250,6 т растительного масла, 1512,9 т маргарина, 97589,6 т картофеля, 3527,2 т сала, 5221,3 т сахара, 161,6 т чая, 382,6 т натурального кофе, 804,7 суррогата кофе⁸⁶. Советские оккупационные власти поставляли продовольствие и в августе — сентябре 1945 г. Всего Берлин от советской стороны получил продовольствие на сумму 49 123 917,30 марок⁸⁷.

Магистрат мог свободно распоряжаться финансовыми средствами, накапливавшимися от так называемых «русских поставок» продовольствия. Он получил, таким образом, часть средств, в которых настоятельно нуждался для выплаты жалованья служащим управлений и для финансирования первых строек.

⁸² «Военно-исторический журнал», 1959, № 8, стр. 81, 89.

⁸³ Stadtarchiv Berlin, Rep. 101, N 220.

⁸⁴ «Военно-исторический журнал», 1959, № 8, стр. 95 и далее.

⁸⁵ Там же; Stadtarchiv Berlin, Rep. 101, N 7.

⁸⁶ Там же, стр. 95 и сл.; Stadtarchiv Berlin, Rep. 101, N 13.

⁸⁷ Там же, Rep. 101, N 13, S. 617.

В первые недели и месяцы продовольствие транспортировалось почти исключительно советскими оккупационными властями, впоследствии транспортировку взяли на себя вновь созданные немецкие управления провинций и земель, а в Берлине — магистрат. При отделе снабжения был создан транспортный парк, которому Советская Армия передала 300 машин. Группы советских офицеров-снабженцев были уменьшены в городских районах и затем полностью передали работу местным властям. При расставании с этими офицерами бургомистр района Кёпеник поблагодарил их за «самоотверженную деятельность» и констатировал: «Мы совершенно убеждены в том, что без энергичной поддержки со стороны господина старшего лейтенанта Шилова было бы невозможно наладить снабжение населения района Кёпеник»⁸⁸.

Советской Армии и ее руководству нелегко было обеспечить снабжение Берлина. Обязательные поставки для Берлина и других крупных городов часто наталкивались на непонимание и скрытую вражду. Советской Армии приходилось делиться с берлинским населением в то время, как в самом Советском Союзе продовольственное положение еще было тяжелым.

Немедленные меры были приняты как с советской, так и с немецкой стороны против спутников голода — эпидемий. 2 мая генерал-полковник Берзарин в приказе № 1 предписал срочно приступить к восстановлению органов здравоохранения и к борьбе с эпидемиями и болезнями, за что районные коменданты несли личную ответственность перед Берзариным. 30 советских военных врачей оказывали в районах города помощь городской администрации в восстановлении органов здравоохранения; были локализованы очаги инфекции, убраны тысячи трупов людей и животных, в районах возобновляли работу больницы и аптеки. Уже к 21 июня были открыты 92 больницы, 4 детские больницы, 10 родильных домов, 146 аптек, 9 амбулаторий, 13 консультаций по санитарии, 4 диспансера, 3 детские консультации, а также 6 пунктов по оказанию первой помощи. В наличии имелось 31 780 больничных коек. В медицинских учреждениях работали 654 врача, а 801 врач занимался свободной практикой⁸⁹. И все же положение оставалось критическим — в постоянном лечении нуждались 250 тыс. человек. Большие трудности вызывались также тем, что примерно половина медицинских работников являлись членами НСДАП, другие же были настроены весьма консервативно. В этой ситуации магистрат смело решил привлечь к сотрудничеству врачей — бывших членов НСДАП. В ряде случаев он принимал меры к освобождению врачей от работы по расчистке развалин с тем, чтобы врачи снова приступили к выполнению своих обязанностей. Советское командование пошло навстречу, освободив немецких военных врачей, взятых в плен недалеко от Берлина, для работы в немецких больницах. Медицинское обслуживание было налажено, распространение эпидемий приостановлено. Но опасность все же оставалась, поэтому лекарственным и мыловаренным фабрикам Берлина было дано указание немедленно приступить к работе.

Летом 1945 г. стали распространяться дизентерия и тиф. За три недели июля было 25 тыс. случаев дизентерии, в разгар эпидемии тифа каждую неделю заболевало 900 человек⁹⁰. В этой ситуации выявилось, сколь важны и правильны были мероприятия, осуществленные сразу же после освобождения. Берлинское здравоохранение настолько укрепилось, что успешно справилось с болезнями, распространение сыпного тифа было предотвращено.

⁸⁸ Stadtarchiv Berlin, Rep. 101, N 220.

⁸⁹ «Военно-исторический журнал», 1959, № 8, стр. 86 и сл.

⁹⁰ «Военно-исторический журнал», 1959, № 8, стр. 80; Stadtarchiv Berlin, Rep. 101, J 197; J. Orloff, Zusammenbruch und Aufbau Berlins 1945/46, Berlin (1947), S. 25.

В это тяжелое время были устранены также и некоторые ошибки, связанные с назначением в отдельных районах недостаточно квалифицированных руководителей здравоохранения. Год спустя состояние медицинских учреждений резко улучшилось. Профессор Бругш назвал это время «оздоровительным»⁹¹. Уже тогда было подтверждено практикой, что «достичь такого положения удалось только благодаря исполненной глубокого понимания поддержке со стороны оккупационных властей»⁹².

V. ВОССТАНОВЛЕНИЕ ХОЗЯЙСТВА

Для нормализации жизни и закрепления антифашистско-демократических преобразований в Берлине существенное значение приобрело быстрое восстановление хозяйства.

Из-за громадных размеров разрушений восстановление хозяйства Берлина пришлось производить в три этапа. Прежде всего расчищались развалины и производилась уборка предприятий, создавались необходимые предпосылки для налаживания производства (май — июнь 1945 г.). Далее налаживалось производство и в особенности — там, где это было возможно, — производство товаров потребления из оставшихся отходов военной промышленности (вторая половина 1945 г.). Затем последовал переход к планомерному вводу сохранившихся средств производства (преимущественно с весны 1946 г.).

Восстановление хозяйства в Берлине было особенно сложным. Здесь концентрировалась главным образом обрабатывающая промышленность — свыше половины немецкой электропромышленности, почти четвертая часть швейной промышленности и точномеханической оптической индустрии, а также пятая часть немецкого машиностроения. Сырые материалы и полуфабрикаты, многие детали и вспомогательные материалы доставлялись извне. Военное поражение одним ударом разорвало жизненно важные многосторонние связи Берлина, соединявшие его со всей Германией. Хозяйство Берлина должно было вначале жить внутри себя, по крайней мере на первых двух этапах, обрисованных выше.

Магистрат и советские оккупационные власти с самого начала стремились внести порядок в гигантский хаос берлинского хозяйства. Они сконцентрировали свое внимание на вводе в строй коммунального хозяйства как основы жизни города. Уже в конце апреля и в первые дни мая начали работать первые предприятия. Карлхорст был первым районом, снова получившим 29 апреля 1945 г. электроэнергию, а несколько дней спустя и воду (после того как антифашистам удалось помешать фашистским войскам взорвать здесь электростанцию Клингенберг)⁹³. В Берлинском транспортном обществе в Нейкёльне по инициативе коммуниста Вильгельма Мюллера 28 апреля свыше 250 человек приступили к работе над устранением повреждений. На севере Берлина был восстановлен 26 мая участок железной дороги Фронау — Шёнхольц, а водонасосная станция Штольпе с 10 мая начала доставлять воду⁹⁴. Такое же оживление наблюдалось и во многих других местах, причем, как правило, инициатива исходила от антифашистов, в особенности от коммунистов и других классовосознательных служащих предприятий, формирующихся немецких органов самоуправления, офицеров-хозяйственников районных комендатур и местных и участковых

⁹¹ Th. Brugsch, *Arzt seit fünf Jahrzehnten*, Berlin, 1958, S. 351.

⁹² Stadtarchiv Berlin, Rep. 133, N 905—909.

⁹³ «Berliner Zeitung», 24. 5. 1945; «Neues Deutschland», 28. 4. 1955.

⁹⁴ Stadtarchiv Berlin, Rep. 101, N 204.

комендатур. Правовую основу для вовлечения широких кругов все еще пассивного населения в активную работу по восстановлению жизненно важных предприятий дали приказ № 5 от 23 апреля Военного совета 1-го Белорусского фронта и приказ № 1 от 28 апреля коменданта города. Оба приказа предписывали всем коммунальным предприятиям немедленно начать работу и обязывали рабочих и служащих этих предприятий приступить к выполнению обязанностей на своих рабочих местах. Если сначала давались только общие указания, то затем Военный совет 1-го Белорусского фронта 12 мая принял решение за № 064 о восстановлении и обеспечении нормальной работы коммунального хозяйства Берлина⁹⁵. Решение содержало конкретные положения о снабжении Берлина энергией электростанций Траттендорф и Чорневитц, восстановлении сети энерго- и водоснабжения, канализации, городского транспорта, телефонной сети. При этом предоставлялись необходимые материалы из советского трофейного имущества. Спустя 18 дней после того как магистрат стал центральным немецким руководящим органом Берлина и начали работать его соответствующие отделы, были даны детальные указания и скорректированы некоторые сроки восстановления сильно разрушенных объектов⁹⁶.

«Программой хозяйственной работы» магистрата в первые недели его существования стал, как подчеркивал бывший бургомистр доктор Вернер, известный приказ № 8. Для реализации приказа № 8 немецкой стороной были объединены силы и в первую очередь начаты работы по восстановлению энерго- и водоснабжения.

16-мая в Лихтенберге городская комендатура созвала на первое крупное совещание по вопросам коммунального хозяйства всех руководящих технических работников районных управлений и предприятий и почтовых отделений. На основе решения Военного совета от 12 мая городская комендатура дала конкретные задания по вводу в действие жизненно важных предприятий. Советские офицеры при этом разъясняли: «Наши и ваши стремления направлены к одной и той же цели — создать снова как можно скорее нормальные условия жизни». Обещая свою помощь в осуществлении неотложных задач, стоящих перед берлинцами, они настоятельно подчеркивали при этом, что население должно взяться за работу со всей необходимой энергией⁹⁷.

Эту энергию пробудили берлинские антифашисты, причем коммунисты и социал-демократы действовали вместе и своим единством увлекали за собой других трудящихся. 22 мая «Tägliche Rundschau» сообщило, что тысячи берлинцев предлагают свою помощь в восстановлении города. Голодные, без необходимого инструмента, они приводили в действие электростанции, газоснабжение, гидротехнические сооружения, насосные станции, чинили газовые и водопроводные трубы и трамвайные провода, ремонтировали вагонный парк, откачивали воду из станций метро и выполняли многие другие работы. Велась самоотверженная борьба, в ходе которой возникали все новые трудности. Эта борьба привела к успеху, ибо ею руководили коммунисты, социал-демократы и другие антифашисты, ибо за нее взялись широкие круги берлинцев. Борьба была успешной, потому что ей сопутствовало пробуждение политической инициативы населения антифашистами и советскими оккупационными властями, и потому что она нашла поддержку со стороны советских рабочих, крестьян и интеллигентов, одетых в солдатские шинели, которые давали советы, указания, делились опытом и помогали при расчистке территории, ремонте мостов,

⁹⁵ «Военно-исторический журнал», 1959, № 8, стр. 91.

⁹⁶ Stadtarchiv Berlin, Rep. 101, N 1.

⁹⁷ «Tägliche Rundschau», 18.5.1945.

в работах по восстановлению электростанций, насосных и газовых установок. Так, Советская Армия поставила берлинским насосным станциям с 12 мая до 10 августа 1945 г. 120 т дизельного топлива⁹⁸. Советские автоколонны доставляли в Берлин из Лаузитца и нижнесилезских угольных районов уголь для удовлетворения самых неотложных потребностей. Вместе с немецкими железнодорожниками советские войска ремонтировали пути. В результате в июле начали курсировать первые поезда между Берлином и угольными районами Силезии⁹⁹.

Уже к 21 июня хозяйство города было снова пущено в ход. Электростанции производили ежедневно 98 000 кВт энергии. К энергосети было подключено 33 000 жилых домов, 1084 пекарни и 51 оросительное и дренажное сооружение. Станции метро возобновили работу на участке протяженностью в 39,2 км, стали действовать 8 трамвайных линий и 46 автобусов. 5 газовых установок ежедневно давали 157 000 м³ газа¹⁰⁰.

Через два месяца после окончания боевых действий благодаря возобновлению работы коммунальных предприятий были заложены основы для восстановления всей жизни берлинцев и нового строительства. Эти основы были подкреплены важными по содержанию изменениями хозяйственно-политического характера, решительно способствовавшими тому, что хозяйство было снова быстро пущено в ход.

Одним из первых и важнейших мероприятий в хозяйственной области и одновременно в борьбе против монополистического капитала было содержащееся в приказе № 1 коменданта города постановление о прекращении работы всех банков. Необходимая реорганизация берлинских банков нашла выражение в соответствующем распоряжении магистрата от 5 июля 1945 г.¹⁰¹ Представители англо-американских оккупационных властей говорили позднее руководителю Отдела финансов магистрата: «берлинское решение финансовых дел» было «несомненно наилучшим» и «наипростейшим»¹⁰².

Все банки должны были прекратить свою деятельность и сдать имеющуюся денежную наличность. В качестве единственного берлинского финансового и кредитного учреждения был создан Берлинский городской банк, подчинявшийся магистрату. Для финансирования работы магистрата и берлинского хозяйства советскими оккупационными властями магистрату был предоставлен денежный кредит в 25 млн марок. Закрывание банков нанесло удар по одному из центральных факторов власти империализма, поразило, выражаясь словами В. И. Ленина, «главные нервные узлы всей капиталистической системы народного хозяйства»¹⁰³. Хозяйственная жизнь в Берлине и в советской зоне оккупации в финансовой области была освобождена от контроля империализма и поставлена под контроль антифашистско-демократических органов.

Одним из важных мероприятий по сужению сферы влияния монополистического капитала было содержащееся в приказе № 1 коменданта города и настойчиво подчеркивавшееся магистратом запрещение деятельности фашистских организаций в промышленности, торговле и ремесле.

Освобождению берлинского хозяйства от фашистского влияния и его быстрому пуску в ход способствовало также решение первого заседания магистрата о передаче районным учреждениям руководства предприятиями, владельцы которых были активными нацистами или сбежали.

⁹⁸ Stadtarchiv Berlin, Rep. 101, N 38.

⁹⁹ «Военно-исторический журнал», 1959, № 8, стр. 83; «Tägliche-Rundschau», 16.6.1945.

¹⁰⁰ «Военно-исторический журнал», 1959, № 8, стр. 97.

¹⁰¹ «Verordnungsblatt der Stadt Berlin», 1945, N 1, S. 18.

¹⁰² Stadtarchiv Berlin, Rep. 107, Nr. 197.

¹⁰³ В. И. Ленин. ПСС, т. 34, стр. 161—162.

2 июля создавшееся положение было юридически зафиксировано «Распоряжением о прописке и конфискации имущества лиц, активно сотрудничавших с фашистами»¹⁰⁴.

Со стороны магистрата это были первые мероприятия по очистке берлинского хозяйства от фашистских элементов, за которыми должны были последовать другие. 23 июня магистрат заявил, что важную роль в их осуществлении сыграют профсоюзы и производственные советы рабочих и служащих предприятий¹⁰⁵. Так и было в действительности. Рабочие и служащие, вернувшиеся на заводы и фабрики, увидели тесную связь между восстановлением хозяйства, чисткой своих предприятий от фашистов и полученным ими ныне демократическим правом участия в решении вопросов производства. Они удаляли активных членов НСДАП с предприятий и выбирали из своих доверенных лиц производственные советы. Советам поручалось управление теми предприятиями, владельцы которых сбежали; на других предприятиях добивались того, чтобы производственные советы и позднее представители профсоюзов оказывали влияние на руководство ими. Так берлинский рабочий класс в процессе восстановления и пуска в ход городской промышленности завоевал новое положение в производстве, поднимавшее его классовое сознание и вооружавшее его для решающей борьбы с монополистическим капиталом, которая началась в конце лета и осенью 1945 г.

Сразу же после войны перед немецким народом возник целый ряд проблем, связанных с необходимостью выполнения его репарационных обязательств.

Фашистская разбойничья война причинила огромный вред почти всем странам Европы. Но особенно тяжелый ущерб был нанесен Советскому Союзу¹⁰⁶. Правительства Советского Союза, США и Великобритании на Крымской конференции признали «справедливым обязать Германию возместить этот ущерб в натуре в максимально возможной мере»¹⁰⁷. Эта обязанность, от которой впоследствии уклонилась Западная Германия, должна была быть выполнена в то время, когда сам немецкий народ тяжело страдал от последствий войны. Процесс восстановления хозяйственной жизни Берлина тем самым был усложнен и затруднен.

Многие предприниматели вначале не проявляли большой заинтересованности в восстановлении своих предприятий, так как опасались, что затем они будут демонтированы. Выступая против демонтажа, монополисты пытались спасти награбленную собственность.

Так, 23 мая фон Витцлебен, директор концерна Симменса, предложил советскому командованию свои услуги и услуги концерна, но при этом потребовал отмены демонтажа на своих заводах¹⁰⁸. Не получив никакой поддержки советских оккупационных властей, Витцлебен и другие владельцы концернов в Берлине усилили агитацию против СВАГ и ее репарационной политики. Многие рабочие не могли сразу понять, почему приходится демонтировать некоторые, оставшиеся неразрушенными предприятия, в то время как идет восстановление других. Подчеркнув в своей программе от 11 июня 1945 г. «необходимость выплаты репараций», КПГ в ходе многочисленных дискуссий, бесед на собраниях разъясняла послевоенные обязанности Германии. Эта разъяснительная работа открыла путь к правильному пониманию политики Советского Союза, к пониманию того, что путем репараций немецкий

¹⁰⁴ «Verordnungsblatt...», а. а. О. N 4, 1945, S. 45.

¹⁰⁵ Stadtarchiv Berlin, Rep. 101, N 467, S. 90 ff.

¹⁰⁶ «40 Jahre Sowjetmacht in Zahlen», Berlin, 1958, S. 54. f.; «Dokumente zur Deutschlandpolitik der Sowjetunion», Bd. 1, Berlin (1957), S. 60.

¹⁰⁷ «Das Potsdamer Abkommen», а. а. О., S. 45.

¹⁰⁸ Stadtarchiv Berlin, Rep. 101, N 663.

народ мог искупить хоть частицу своей вины за то, что он не воспрепятствовал гитлеровскому режиму в подготовке и ведении преступной войны.

Несмотря на все трудности, процесс восстановления двигался вперед. В июле 1945 г. снова работали 600 промышленных предприятий, а в конце 1945 г. — уже 5000 (по сравнению с 40 000 в 1938 г.)¹⁰⁹.

VI. ЗА ОБНОВЛЕНИЕ НЕМЕЦКОЙ КУЛЬТУРЫ

Одна из больших заслуг советских оккупационных властей и руководящих антифашистских сил Берлина состоит в том, что, налаживая городскую жизнь в Берлине, даже в недели самой острой нужды они не ограничивались удовлетворением только самых насущных материальных потребностей, но одновременно боролись за возрождение немецкой культуры.

Полное поражение гитлеровского режима было также полным крахом фашистской идеологии, в которую многие верили и под влиянием которой многие находились. Чтобы искоренить эту идеологию расовой ненависти и национализма, попрания человечности, идеологию войны, советские солдаты и пришли в Германию. Нужно было оживить традиции гуманистической культуры немецкого народа, начать ее дальнейшее развитие. Только так мог немецкий народ выработать моральные нормы новой жизни и снова занять достойное место в мировой культуре.

К широко распространенным легендам о жизни в Берлине и советской зоне оккупации относится миф о «духовном терроре» коммунистов и Советской Армии. Развитие культурной жизни в Берлине показало, сколь лживы подобные измышления. Многие интеллигенты восприняли разгром фашистского режима как акт духовного освобождения. Многие из них были готовы интенсивной работой снова восстановить добрую славу немецкой культуры и науки в мире. Уже 14 мая генерал-полковник Берзарин пригласил известных руководителей театров, в том числе Густава Грюндгенса, Эрнста Легалья и Пауля Вегенера в городскую комендатуру, чтобы обсудить с ними мероприятия по открытию театров. Все участники беседы были единодушны в том, чтобы отстранить от участия в работе бывших членов НСДАП. Три недели спустя, 6 июня, известные деятели искусства снова были у Берзарина. Некоторым из них было поручено руководить берлинским искусством. Чтобы делу придать правовые основы, в магистрате в качестве самостоятельного руководящего органа была образована «Палата деятелей искусства»¹¹⁰.

«Поразительна помощь советских оккупационных властей в области искусства. Несмотря на все, кажущиеся почти неопреодолимыми трудности, темпы были захватывающими», — констатировал позднее «Frankfurter Illustrierte»¹¹¹.

27 мая, через 25 дней после окончания боевых действий, на сцене «Ренессанс-театра» под руководством Легалья была поставлена в качестве первого берлинского спектакля пьеса «Похищение сабинянок» Шёнтана, так как для этой пьесы сохранились костюмы и декорации. В июне открыли свои двери и другие берлинские театры. Уже 13 мая играл Берлинский камерный оркестр. Оркестр городской оперы дал свой первый концерт 18 мая, 26 мая его примеру последовала берлинская филармония¹¹².

¹⁰⁹ J. Orlopp, Zusammenbruch., a. a. O., S. 46.

¹¹⁰ «Berliner Zeitung», 25.5.1945; «Tägliche Rundschau», 9.6.1945; Stadtarchiv Berlin, Rep. 104, N 74.

¹¹¹ «Frankfurter Illustrierte», 20.11.1954.

¹¹² «Berliner Zeitung», 21.5.1945; «Berlin im Neuaufbau. Das erste Jahr. Ein Rechenschaftsbericht des Magistrats der Stadt Berlin», Berlin (1946), S. 163.

Культурная жизнь стала оживляться и в отдельных частях города. В Трептове в мае районный комендант совещался с немецкими представителями о восстановлении и работе обсерватории. 3 июля там состоялся первый концерт¹¹³. В конце июня в Берлине действовали 45 варьетэ и кабаре¹¹⁴.

Спортивная жизнь также пришла в движение. С разрешения комендатуры начали организовываться любители спорта. 20 мая в присутствии 10 тыс. зрителей на стадионе в Лихтенберге состоялась первая футбольная игра, за которой в начале июня последовали народные спортивные праздники во многих районах¹¹⁵.

В первые недели и месяцы было восстановлено кино. В конце июня снова работало 127 кинотеатров, которые ежедневно посещали от 80 до 100 тыс. берлинцев¹¹⁶. Если советские фильмы, шедшие сначала без титров и без перевода, едва ли могли быть понятны широкой массе зрителей, то все же многим они открыли глаза на Советский Союз и пробудили в них интерес к этой стране.

Широкий отклик встретили передачи берлинского радио, начавшиеся уже 13 мая. Деятельность берлинского радио имела значение, выходящее далеко за пределы Берлина. Оно информировало, например, об основании четырех партий в Берлине, об их программах, ободряло антифашистско-демократические силы и показало всему миру, что в столице разбитой Германии действуют силы, стремящиеся построить новую Германию.

Важным культурно-политическим событием было издание советскими оккупационными властями ежедневных газет «Tägliche Rundschau» с 15 мая и «Berliner Zeitung» с 21 мая, причем последняя через несколько недель перешла в руки магистрата. «Tägliche Rundschau» поставила своей задачей «сообщать немецкому народу правду о Красной Армии и Советском Союзе, помочь немцам правильно сориентироваться в современном политическом положении, устранить остатки гитлеровского варварства и напрячь все силы для скорейшего восстановления нормальной жизни»¹¹⁷. Эти задачи газета решала хорошо, причем в редакции с самого начала немецкие журналисты активно сотрудничали со своими советскими коллегами.

Состоявшаяся 27 мая встреча примерно 200 журналистов и писателей, организованная редакцией «Tägliche Rundschau» дала представление о возможностях берлинской прессы и позволила осуществить первый серьезный обмен мнениями о задачах демократической печати. Советские офицеры обещали на этой встрече помощь в создании немецкой прессы¹¹⁸. Это обещание они сдержали. Партия и профсоюзы тотчас же после основания получили разрешение на издание своих газет. Им предоставлялась из наличных ресурсов бумага, а также помещения и материалы. «Советские офицеры в самые первые дни стремились сделать все необходимое для выхода газет,— сообщает один из первых редакторов газеты ХДС «Neue Zeit».—Несмотря на то, что трудности были громадными, благодаря доброму сотрудничеству с ними скоро удалось справиться»¹¹⁹.

Сплочение берлинских демократических деятелей культуры привело к основанию 25 июня 1945 г. «Союза культуры по демократическому обновлению Германии». Союз во многом содействовал отходу ин-

¹¹³ Stadtarchiv Berlin, Rep. 101, N 175 und 291.

¹¹⁴ «Военно-исторический журнал», № 8, 1959, стр. 98.

¹¹⁵ «Berliner Zeitung», 23.5.1945; «Tägliche Rundschau», 3 und 5.6.1945.

¹¹⁶ «Военно-исторический журнал», № 8, 1959, стр. 98.

¹¹⁷ «Tägliche Rundschau», 15.5.1945.

¹¹⁸ «Tägliche Rundschau», 29.5.1945.

¹¹⁹ Цит. по J. G. Leithäuser. Op. cit., S. 29 f.

теллигенции от фашистской идеологии, ее обращению к национальным культурным ценностям и культурным достижениям других народов. Советские военнослужащие, работавшие до войны в области культуры и науки, часто и охотно выступали с докладами, участвовали в дискуссиях.

Особенно много сил и внимания советские оккупационные власти уделили школьной проблеме. В правильном воспитании молодого поколения немецкого народа заключалась одна из важнейших гарантий того, что Германия не станет исходным пунктом новой опустошительной войны. Ввиду катастрофического положения берлинских школ (из имевшихся в 1938 г. 608 школьных зданий и 13 057 учителей к 1945 г. осталось всего 292 здания и 2663 учителя)¹²⁰ в первые месяцы могли быть приняты только некоторые важные временные меры, давшие возможность позднее осуществить коренные преобразования всей системы школьного и высшего образования. Так, в мае и июне по распоряжению комендатуры во многих районах города снова начали временно работать школьные учреждения, для чего 23 мая отдел народного образования магистрата отдал районам указания о «неотложных мерах в школе». Речь могла идти пока только о том, чтобы «в соответствии с пожеланием верховного командования убрать детей с улиц., обучать их без учебников элементарным навыкам счета, чтения, письма и проводить занятия по физкультуре и пению»¹²¹.

8 июня отдел народного образования магистрата провел совещание с руководителями школьных учреждений районов о коренных задачах в области школьного дела. На этом совещании старший лейтенант Судаков изложил точку зрения советских оккупационных властей по проблемам берлинской школы. Он заявил: «Школа немецкого народа в настоящее время должна быть перестроена. И эта перестройка должна быть осуществлена в первую очередь путем демократизации школьного образования. У нас нет ни малейшего намерения осуществлять советизацию немецкой школы или строить немецкое школьное образование по советскому образцу. Это не наше дело. Немецкий народ создал высокую культуру, он имеет великих людей в области педагогики. В этом один из источников демократизации всего учебного процесса... В течение более 12 лет гитлеровский режим отгораживал китайской стеной немецкое учительство от учителей и работников народного образования других стран и прежде всего Советского Союза, Англии и Америки... И когда речь заходит о демократизации, было бы неплохо, если бы немецкие учителя и педагогические деятели поучились немного и у советской школы»¹²².

11 июня магистрат издал «Временные директивы о налаживании школьного дела»¹²³. Они предусматривали, чтобы дети школьного возраста находились под воспитательным влиянием учителей-антифашистов, чтобы учительство было очищено от членов НСДАП и милитаристов. Школа должна была стать опорой антифашистских сил. «Временными директивами...» была заложена основа освобождения школ от идеологии фашизма и воспитания молодого поколения на идеях мира, дружбы народов и гуманизма. Они прокладывали путь к демократической реформе школы, напряженная борьба за которую в Берлине развернулась по совместному призыву Центрального Комитета

¹²⁰ O. Winzer, E. Wildangel. Ein Jahr Neuaufbau des Berliner Schulwesens, Berlin (1946), S. 15.

¹²¹ Stadtarchiv Berlin, Rep. 102, N 42.

¹²² Там же, Rep. 104, N 66.

¹²³ «Verordnungsblatt...», 1945, № 3.

КПГ и Центральной Комиссии СДПГ от 18 октября. Цель демократического обновления преследовалась и при преобразовании высшей школы. Высшую школу нужно было очистить от фашистского духа, а носителей этого духа изгнать из преподавательского состава и студенческой среды. Высшим учебным заведениям должны были быть по возможности предоставлены материальные условия для обеспечения учебного процесса и возможно быстрого воспитания демократически настроенной интеллигенции. «Лучше начинать в университетах с малого, но правильного, чем наоборот», — таким был девиз¹²⁴.

С этой целью советская сторона содействовала открытию Берлинского университета, поддержав стремившиеся к этому же немецкие силы. Советские офицеры отдела Высшей школы СВАГ, многие из которых сами были профессорами и доцентами советской высшей школы, с достойным уважением пониманием отнеслись к нуждам немецких университетов, что не могли не признать даже враги Советского Союза¹²⁵. До осени 1945 г. делами по открытию университета ведал отдел народного образования при магистрате, а в октябре 1945 г. они были переданы немецкому Центральному управлению народного образования. Открытие университета состоялось 29 января 1946 г.

В первые же месяцы после капитуляции началась подготовка к открытию университетской библиотеки и Германской государственной библиотеки. 12 июня в связи с этим был издан специальный приказ советского коменданта города¹²⁶.

Так в первые же месяцы, в труднейших условиях снова начала оживляться научная жизнь и освобождаться из сетей, которыми ее опутал фашизм.

* * *

Через несколько недель напряженнейших усилий в начале июня 1945 г. для всех стало очевидно — Берлин живет! Жизнь в городе вошла в нормальную колею. Этим берлинцы обязаны прежде всего своей несокрушимой воле к жизни, проснувшейся после временного периода летаргии и депрессии. Решающими были также огромные усилия берлинских антифашистов: коммунистов, социал-демократов и буржуазных демократов, а также советских комендатур, солдат и офицеров Советской Армии.

Новая жизнь для большинства населения города еще не означала сознательного преодоления прошлого с ясным пониманием намеченного пути. И все же начало было сделано.

Основание партий, профсоюзов и «Союза культуры» создало притягательный источник силы, который объединял тех, кто хотел видеть Берлин мирным и демократическим городом. Были проведены первые мероприятия по бесповоротному искоренению фашизма и его важнейшей опоры — немецкого монополистического капитала. Таким образом в первые послевоенные месяцы Берлин возглавлял осуществление антифашистско-демократических преобразований во всей Германии.

Этой линии был нанесен сильный удар вступлением в Берлин войск западных держав в июле 1945 г., которые взяли курс на то, чтобы затормозить антифашистско-демократическое развитие страны. Этот курс и привел впоследствии к расколу Германии и ее столицы.

¹²⁴ Archiv der Humboldt-Universität Berlin, Rektorat, N 75.

¹²⁵ M. und E. E. Müller. Op. cit., S. 36.

¹²⁶ Ср. «Deutsche Staatsbibliothek 1661—1961», Bd. 1, Leipzig, 1961, S. 51.